

Глава 74. Ну и что, что храмовая проститутка? (10)

Настроение Ли Вэя металось от одного края к другому.

Раньше он и представить не мог, что так приятно видеть человека, который настолько явно к тебе расположен. Хотя, казалось бы, признания он получал и раньше, ничего удивительного в этом не было. Когда АЗ говорил ему: «Я люблю тебя», Ли Вэй отлично понимал, что львиную долю здесь занимает проклятие, а личные достоинства самого АЗ — совсем малую, и потому не чувствовал равным счётом ничего.

И раньше находились люди, которые заявляли, что любят в нём всё. Если такое признание было искренним и доброжелательным, он обычно, решив, что они друг другу не подходят, вежливо отказывал. Поначалу, когда он был моложе, внутри ещё вспыхивали удивление, самодовольство и смущение, но со временем исчезли и эти колебания — осталась только отработанная, почти шаблонная реакция.

И сам он когда-то, поддавшись порыву, пылко добивался нескольких человек — иначе дети, которые поначалу над ним издевались, вообще бы не узнали, что он гей. Эти люди были разными, хорошими и не очень, и проходили через разные этапы его жизни, но итог всякий раз был один и тот же: либо Ли Вэю отказывали, либо, если ему всё же отвечали взаимностью, после недолгих отношений его пыл стремительно остывал.

И в конце концов именно Ли Вэй первым предлагал расстаться.

В чём же была проблема? Когда-то в интернете вошли в моду тесты на избегающий тип личности, и Ли Вэй тоже из любопытства о нём почитал. Но кожа у него была толстая, смущался он редко, трудностей в общении не испытывал и собственных достоинств никогда не игнорировал. Когда попытка прилепить к себе этот ярлык провалилась, он подумал: возможно, дело просто в том, что ему никто не нравится достаточно сильно.

С самого начала он не вкладывался слишком глубоко. В той любви, что рождалась под огнями ночного города и в разгорячённой атмосфере, наверняка и правда была доля искренности, но он всегда боялся сделок, в которых всё решается раз и навсегда. Какое же это тяжёлое слово — «любовь»? Если отбросить тщеславие и скуку, скрытые в самой глубине души, откуда в этом мире вообще берётся любовь с первого взгляда?

Люди, стоя перед ним, с лёгкостью говорили о любви и ненависти. Но как им потом жить дальше, через все эти долгие годы?

Впрочем, в отличие от ненависти, которая часто не имеет под собой никаких оснований, глубокую любовь можно взрастить со временем. Поэтому Ли Вэй не возражал против того, чтобы быть с кем-то, опираясь лишь на поверхностную симпатию. Более того, чтобы скрыть от самого себя своё внутреннее недоверие к любви, он всегда старался быть уступчивее, терпимее, изо всех сил выискивая в другом человеке то достоинство, которое когда-то заставило его сердце дрогнуть.

Один из его недолгих партнёров — настолько недолгих, что назвать его бывшим парнем было бы преувеличением — при расставании упрекнул Ли Вэя, сказав, что тот любит лишь красивую одежду, а не человека, который её носит. Ли Вэй будто осенило. Уже на следующий день после расставания он пошёл на философскую лекцию этого самого партнёра и купил целую грудку толстенных томов, похожих на кирпичи.

У отношений с цивилизованными людьми был свой плюс: даже расстаться получалось вполне

достойно.

Но с Дрейтоном всё было иначе.

Смог бы он спокойно принять разлуку и дальше жить как ни в чём не бывало? А если бы Дрейтон вдруг снял с себя ту самую одежду, которую Ли Вэй любил, и оказалось бы, что он совсем другой человек?

Ли Вэй едва представил это — и невольно содрогнулся.

Он не мог вынести мысли, что Дрейтон лишится своей «одежды». Это было бы всё равно что своими глазами увидеть, как драгоценная жемчужина покрывается пылью, а святой добровольно идёт к падению. Ли Вэю пришлось бы собственными руками вырвать из себя ту часть души, которую он проецировал на Дрейтона, прежде чем с болью признать: времена изменились, и той одежды больше нет.

Значит, он всё-таки любил только одежду.

Но неужели в этой любви совсем не оставалось места человеку, который эту одежду носил?..

Если бы нет, то почему он, прекрасно зная, что на Дрейтона действует проклятие, готов был от радости петь и плясать? Неужели ему просто нравилось видеть, как холодный и высокомерный человек склоняется перед ним? Тогда чем Дрейтон отличается от АЗ?

Ли Вэй не знал ответа.

И ещё он не знал вот чего: вообще-то он никогда не ждал, что кто-то скажет ему «люблю». Слишком простая и пресная любовь невольно вызвала у него презрение — как у дряхлого старика, слушающего, как дети щебечут о смерти.

Но если бы Уильям Дрейтон тоже ничего не говорил и, когда проклятие сойдёт на нет, в его сердце не осталось бы даже крошки любви, которой можно было бы похвалиться?

Ли Вэй не был уверен, как долго смог бы это выдерживать.

...

По дороге к месту работы Ли Вэй чуть не успел мысленно написать целый трактат «О любви». Он уже не был так неправдоподобно счастлив, как утром. Половина его мыслей была занята Чёрным песком, а вторая половина — сомнениями, не возненавидит ли его Дрейтон, когда придёт в себя. В конце концов разумные люди обычно терпеть не могут то, что заставляет их терять контроль.

Но, Ли Вэй подумал: это же не его вина!

Дрейтон сам захотел прийти, и до этого не мог не знать о существовании проклятия.

Справедливый человек не стал бы из-за этого срывать зло на Ли Вэе. Но Ли Вэй как раз хотел, чтобы тот оказался во власти чувств и перестал быть справедливым. Любовь и правда оказалась противоречивой штукой. Как он мог одновременно требовать от человека выйти за пределы заданной программы и при этом ожидать, что тот не совершит ни одной ошибки?

Прекрасно. У трактата «О любви» появилась новая глава.

Ли Вэй с силой хлопнул себя по лбу, умоляя собственный мозг заняться чем-нибудь полезным.

Но у мозга были свои соображения. Мозг сказал:

— Я просто хочу немного полениться. Ты заметил, что страдать из-за любви куда легче, чем страдать из-за реальности? Потому что любовь и жизнь несовместимы. Думая о любви, ты можешь сбежать от жизни. Перед лицом любви, когда тебе плохо, у тебя есть полное право жалеть себя, топить горе в алкоголе и сходить с ума, как псих. А когда тебе хорошо, ты всё равно можешь сходить с ума. Окружающие в любом случае тебя поймут и поддержат. Это куда приятнее, чем работа, где нужна рациональность.

Вот почему мозг и отказывался браться за что-то более сложное.

— Проблема в том, что я вообще-то на работе! — заорал Ли Вэй на собственный мозг. — Ты предлагаешь мне сойти с ума прямо во время работы?

— ...

А почему бы и нет?

И вот Ли Вэй, в шлеме, защитных очках и военной маске, в тактическом жилете, набитом магазинами, подобно неистовому, эмоционально нестабильному смерчу носился по целой веренице информаторов, которых ему выдало Бюро безопасности. Когда очередная жертва после хорошей взбучки возмущённо спрашивала, почему он вообще не действует по правилам, Ли Вэй, в зависимости от ситуации, отвечал холодным голосом, искажённым модулятором:

— Меня бросили.

— Я влюблён.

— Я мучаюсь вопросом, любит ли меня тот, кого люблю я.

Эффект был поразительный: все тут же начинали считать, что у его поведения есть смягчающие обстоятельства.

Когда он ворвался в роскошную виллу родственника n-й жены нефтяного магната, то столкнулся там с АЗ, который как раз вёл с хозяином тайную беседу.

Ли Вэй не обратил на АЗ никакого внимания и, как обычно, не совсем уставными методами выбил из избиваемого очередную порцию сведений.

Эта новая информация, сложившись с тем, что он узнал раньше, внезапно образовала крайне важную зацепку. Ли Вэй несколько секунд стоял на месте, медленно приводя мысли в порядок, и вдруг услышал, как кто-то неподалёку спросил:

— Давно не виделись, дорогой. Что с тобой? Что случилось? Может, мы спокойно поговорим?

Он повернул голову, поднял пистолет и сквозь тёмные очки увидел АЗ: тот, распахнув цветастую рубашку на груди, лениво привалился к каменной колонне виллы и принял довольно эффектную позу.

Нет, ну серьёзно, брат, я же так вырядился, а ты всё равно меня узнал?

В каком-то смысле АЗ тоже был человеком, который не закикливается на внешности и умеет

видеть внутреннее...

Ли Вэй безмолвно подтянул чёрную маску повыше и выдал свой стандартный ответ:

— Потому что я страдаю из-за любви и мучаюсь вопросом, любит ли меня тот, кого люблю я.

В данном случае это означало: «У меня есть человек, который мне нравится, так что отвали уже наконец».

Но силу проклятия он всё-таки недооценил. Услышав это, АЗ не только не расстроился, а, наоборот, просиял и шагнул ближе:

— У тебя появился кто-то, кто тебе нравится? Ничего страшного. Раз ты смог влюбиться в другого, значит, сможешь влюбиться и в меня. Давай выйдем куда-нибудь развеяться. Я знаю одно место, где на закате особенно красиво...

Он положил руку на рукоять пистолета Ли Вэя и дважды провёл по ней пальцами. Ли Вэй резко дёрнулся и отбил его руку:

— Уйди. Иначе я выстрелю.

Он быстро зашагал прочь, а АЗ вприпрыжку бросился за ним:

— Ну почему ты такой холодный? Вы же всё равно не вместе! Дай мне шанс!!

Ли Вэй пошёл ещё быстрее, но тут завибрировал телефон. Он достал его рукой в перчатке с обрезанными пальцами, взглянул на экран и увидел отправленную Дрейтоном короткую, вырванную из контекста фразу:

Я тоже скучаю по тебе.

Ли Вэй остановился и резко втянул воздух.

Сердце на миг забилось быстрее, щёки вспыхнули. Он прикрыл ладонью невольно поползшие вверх уголки губ и попытался собраться с мыслями: что происходит? Неужели у усиленного эффекта проклятия есть ещё и послевкусие?

Хотя да, настойчивые ухаживания АЗ как раз это и подтверждали.

Вспомнишь про чёрта — он тут как тут. Агент воспользовался тем, что Ли Вэй застыл на месте и отвлёкся, подскочил ближе, вытянул шею и в два счёта пробежал глазами сообщение на экране:

— Кто это тебе пишет в такой момент?.. Так ты про него говорил, что он тебе нравится? Кто это вообще??? Кем он работает? И почему он с порога пишет тебе, что скучает? Совсем совести нет!

Ли Вэй: «...»

Слова автора:

На самом деле у проклятия нет никакого послевкусия. Начальник правда любит, и АЗ тоже не притворяется.

<http://bllate.org/book/17014/1724998>